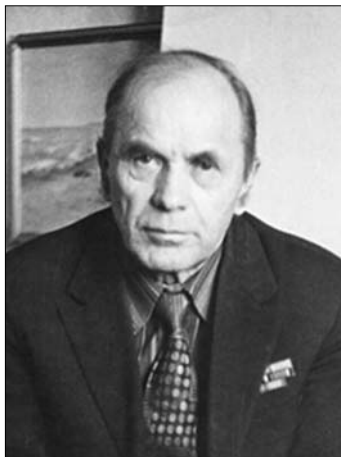

НИКОЛАЙ РОДИН

СЕНОКОС

РАССКАЗ

*Памяти отца
Александра Сидоровича Родина,
погибшего в боях за Отечество
на Орловско-Курской дуге*

После Троицы выкшане подымались на сенокос. Он разворачивался по правому берегу Ксёгжи — на Валах, на Машках, в Кочках. К сенокосу в Выкше готовились, как к празднику. Приберегали крепкие харчи — пшено, коровье масло, яйца, а рачительные хозяева коптили над челом ломти свинины.

Мужики в преддверии сенокоса налаживали косы, браковали старые, изношенные до обуха, покупали и отбивали новые, обзаводились точильными брусками. А девки-бабы доставали из бабушкиных, пахнущих нафталином сундуков светлые летние платья и сарафаны, белые рубахи с короткими рукавами, стогняли с них моль и прожаривали на горячем июльском солнце.

Сенокос в деревне — это вроде выставки. Здесь все шестьдесят хозяйств на виду. Мужики и “большие” ребята демонстрируют свою силу и ловкость на косьбе и стогометании, подростки и даже дети стараются работать наравне со взрослыми. Женское население выходит на сенокос, стремясь явить бе-

---

РОДИН Николай Александрович родился в 1924 году в деревне Варваровка Касимовского района Рязанской области. В неполные 18 лет был призван в ряды Красной Армии. Воевал пулеметчиком, был тяжело ранен. В 1965 году окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького в Москве. Автор романов “Зимний гром” и “Ярусы”, повестей “Пристань”, “Второй урожай земляники”, “Остаюсь в Ивакине”, “Осенние пароходы”, “Танец с саблями”, “Присутствие женщины”, а также более сотни рассказов. Ушёл из жизни в 2013 году.

ду свету свою сноровку на ворошении сена, ну и, конечно, себя показать и людей посмотреть; “большие” ребята приглядывают в лугах невест, девки — женихов.

И вот ранним июльским утром, когда над спокойной, ещё не проснувшейся Ксёгжей виснут призрачные ключья тумана, а в кудрявом ивняке и густо-зелёном ольшанике, радуясь утру, разноголосо звенят птицы и трава ещё серебрится росой, выкшане с косами на плече идут в Кочки. Это самая большая сенокосная “карта”. Здесь, на подходе к лугам, в тени берёзовой куртины, мужики садятся в круг и делятся новостями. Идёт первое лето войны, и всех заботят дела на фронте — наши продолжают отступать, сдают города. Но, по общему мнению, это отступление — временное, вызванное внезапным и вероломным нападением Гитлера, и что наши скоро придут в себя и остановят врага. Остановят и погонят обратно.

— Да как ещё погонят, до самого Берлина! — сказал пожилой колхозник дядя Алексей Варламов.

Поговорив о войне, мужики приступили к косьбе. Перво-наперво, решают они, надо избрать первопроходца. Такой уж в Выкушах обычай — сенокос должен открывать самый умелый и уважаемый косец. Выбор падает на Александра Сидоркина. И хотя ему лестно, что его считают косцом первой руки, он соглашается не сразу.

— А то может, Ваньта первый ряд пройдёт? — обращается он к мужикам.

— Нет уж, давай ты, Александр, — говорит дядя Алексей Варламов.

— Положи начало, — добавляет Илюха Колотовкин. — У тебя рука лёгкая.

Он и сам, Александр, мужик лёгкий. Лёгкий и ловкий. Правда, природа обделила его ростом — он не высок, зато хорошо сложен и кажется как бы выше себя... В детстве это случилось. Сёстры-подростки, Дуня и Наташа, взяли его, двухлетнего Санька, в поле на жнитво, обложили в крестце снопами, а сами ушли дожинать. А когда вспомнили о нём, Санёк уже задышался, он посинел, он умирал. Напуганные девочки на руках бегом отнесли его в деревню, к заболевшей матери. Санька еле отпарили, еле спасли. Но жестокая простуда отразилась на его здоровье. Он рос медленно, истягу, часто болел и долго оставался худощавым и слабосильным. Но он был честолюбив и не хотел отставать от своих сверстников. Вместе с ними он пахал, косил, ездил в извоз, не чураясь никакой работы, и как-то постепенно вошёл в слой завязых мужиков. Работая с ними, он возмужал, даже погрубел, набрался жизненного и крестьянского опыта, и если не брал силой, возмещал сообразительностью и “струментом”.

“Струмент” он прямо-таки обожал, он облегчал ему тяжёлую крестьянскую жизнь. Нынешней весной прослышав, что в Выксе, на металлургическом заводе, прокатывают и тонкую сталь, и изготавливают острые, не хуже австрийских, косы, он в раздолье, положив в котомку полковриги хлеба, бутылку кипячёного молока и запасные лапти, прошёл 60 с лишним километров, отыскал в Выксе старого мастера и купил у него отличную косу. А выбирал он её по звону, что особенно понравилось мастеру, и тот даже угостил гостя. “В хорошие руки коса идёт, — сказал мастер. — Молодец!.. А то мой племяш её в оркестр приглядывал”.

И вот сейчас Александра просят положить начало сенокосу. И он, поломавшись для приличия, поднимается матёрым мужикам. В самом деле, кому, как не ему, Сидоркину, открывать сенокос в родной Выкше. Все Сидоркины — отец Сидор Петрович и его сыновья Александр и Иван — косцы отменные, природные. У них повелось исстари — зарабатывать себе хлеб косьбой. Отсевшись и посадив картошку на своей усадьбе, зачехлив косы в одеребеневшие лубки, забрав с собой окосива и точильные бруски, отправлялись они на заработки в тёплые края, где трава уже “подошла” и где их охотно брали на работу, потому что они косили хорошо, выкашивали луга до последней былки.

Это, наверное, о них, Сидоркиных, и их дедах написал рассказ “Косцы” большой русский писатель Иван Бунин. “Они были “дальние”, рязанские, — писал Бунин. — Они небольшой артелью проходили по нашим орловским

местам, помогая нашим сенокосам... Они были беззаботны, дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути...”.

В редкие минуты отдыха они пели.

“... Это было как будто бы и не пение, — продолжал Иван Бунин в своём рассказе, — а только вздохи, подьёмы молодой, здоровой, певучей груди. Пели... с той непосредственностью, с той несравненной лёгкостью, естественностью, которая была свойственна только русскому”.

— Ну что ж, — оторвавшись от воспоминаний, говорит Александр. — С Богом, ребята!.. — и осеняют себя крестом.

Он поднимает свою блестящую, с переливами на лезвии и острую, как бритва, косу и идёт в голову луга, к дороге. По пути он “подбивает” к муравьиной куче взявшуюся тут пижму, выбирает в траве сухую берёзовую хворостинку и, дождавшись товарищей, приступает к делу. Бывалый книгочей, он вспоминает при этом запавшие со школьных лет стихи Алексея Кольцова: “Размахнись, рука, раззудись, плечо, ты дохни в лицо, ветер с полудня”. Он вообще любил поэтов, особенно тех, кто писал о крестьянском труде.

Так, он долго хранил рукописный листок, подаренный ему богатым вышанским мужиком, со стихами Сергея Есенина: “К чёрту я снимаю свой костюм английский. Что же, дайте косу, я вам покажу, я ли вам не свойский, я ли вам не близкий, памятью деревни я ль не дорожу”. И вспоминая стихи, Александр взмахивает косой и стелет перед собой полукружье скошенной травы, затем стелет другое полукружье, третье, четвёртое... И пошёл, и пошёл. Он идёт легко, приседая и подбоченившись, и кажется, вот-вот положит косу и пустится танцевать.

А танцевал он лихо. Бывало, на семейной гулянке или на колхозном обеде едва брат Иван заиграет на гармонии подмывающий краковяк или грациозную падеспань, как Александр сразу же снимался с места, подхватывая высококу — выше его — супругу Лизавету и, притоптывая и прищёлкивая каблучками поношенных сапог, прихлопывая при этом по голеницам, хмелем вился вокруг дородной Лизаветы и выделывал такие колена, что скоро в кругу оставались он и Лизавета, остальные только смотрели...

Сегодня Александр легко и, кажется, пританцовывая, ведёт за собой ломаную череду косцов. За ним споро шагает Ваньта Черенков, рослый, крупный, задержавшийся в женихах парень. Коса у него большая, пятичетвертная, и не очень острая, но Ваньта силён, за ним ложится широкая, низкостриженная, словно выбритая, полоса. Следом старается, часто дышит дядя Алексей Варламов. Четвёртым шмыгает в валяных галошах Илюха Колотовкин. Ему “режет пятки” худой, долговязый Максим Петров. А в начале Кочек бьются, стараясь не отстать один от другого, подростки и среди них Колян, старший сын Александра. Сам же Александр Сидоркин уже заканчивает свой, первый ряд. Пёстрая, сарпинковая рубаха взмокла на спине, полотняный картуз тоже пропотел. “А как там товарищи?” — думает он и оглядывается назад. Все они, один по одному, ломаной чередой стелются по лугу, докашивая свой ряд.

Поздно утром, когда солнце стоит уже вполдуба, в луга приходит бригадирша Татьяна и говорит, что начин хороший, в первый же день окошено четыре гектара.

— Молодцы, мужики! — хвалит она, останавливая взгляд крупных, тёмно-карих, как вишня, глаз на Александре Сидоркине.

Косят день, два, три... Затем Кочки расцветают пёстрыми сарафанами и цветными косынками. Это высыпали в луга девки-бабы.

Они растрясая грабельниками скошенную на днях траву. Она, слежавшаяся в рядах и прогретая жарким июльским солнцем, тонко и нежно пахнет молодым сеном, слабыми духами. Запах сена разносится по всей округе. Он проникает даже в сельповский магазин и на танцплощадку, где по вечерам, несмотря на усталость, пляшет молодёжь.

На пятый день, когда косцы уже собирались идти завтракать, в лугах появился Аким-сельсовет. Худошавый и как всегда небритый, в своей излюбленной косоворотке, в сандалиях на босу ногу. Это означало, что Аким сей-

час спешил и явился с каким-то важным сообщением. И верно. Он отыскал глазами Александра и ещё ничего не сказал ему, а тот понял, что председатель пришёл по его душу:

— Что, собираться? — догадался мудрый Александр.

— Собираться, Санька, — подтвердил и участливо добавил: — Только что звонили из военкомата, приказали обеспечить твою явку. К одиннадцати часам, вроде того что...

Они были одногодками. Вместе гуляли в ребятах, ухаживали за девками, пели частушки под гармонь, иногда неприличные, озорные. Но в гражданскую мастеровитый Александр был призван в Красную Армию, воевал, был сапёром, а Аким по причине плоскостопия остался дома и как-то стал прибиваться к сельской власти: был членом лавочной комиссии, в комиссии по обмеру усадеб, по обложению сельхозналогом... Александр же находил удовольствие в рядовой крестьянской работе и всё делал хорошо. Он слыл грамотным, выписывал районную газету, иногда покупал книги в разъездной лавке. В Выкше все подбирали ему подходящую должность. Предлагали стать бригадиром, заведующим фермой, но он отказывался, предпочитая рядовую крестьянскую работу. Единственное, что охотно принял он — краткосрочные курсы ветеринарных фельдшеров. Но курсы не состоялись из-за болезни районного ветврача, и Александр с сожалением вернулся домой. Тогдашний председатель колхоза, только что отслуживший в погранвойсках парень по фамилии Дедушкин, в душе был рад возвращению Александра, потому что наступал сенокос, а Александр был незаменимым стогоправом, смётанные им стога издали были похожи на древнеславянских воинов и стояли в лугах подолгу. И вот теперь Александр уходит защищать Родину.

— А ещё кого зовут? — поинтересовался он.

— Больше пока никого, вроде того что... — ответил Аким.

— Значит, я там очень нужен, — сказал Александр и с гордостью посмотрел на Акима. — Что ж пойду собираться.

Аким по пути в луга заходил к Сидоркиным, и Лизавета уже знала о мобилизации мужа и встретила Александра с причитаниями.

— Не реви! — прикрикнул на жену Александр: он не выносил женских слёз. — Лучше собирай сумку.

Между тем в доме Сидоркиных под самодельной кроватью уже две недели стоял холщовый мешочек с сухарями; мудрый, предусмотрительный Александр знал, что он ему понадобится.

Лизавета стала готовить мужа в дальнюю дорогу. Положила в мешочек с сухарями ломоть копчёной свинины, предназначавшийся на сенокос, шерстяные, заштопанные носки, клубочек суровых ниток с иголкой, деревянную ложку, алюминиевую кружку, новую сатиновую рубаху и почему-то втиснула в сухари большой кисет самосада некурящему Александру. “Кого-нибудь угостит”, — подумала она при этом.

Александр тем временем поспешил к родне сказать, что его призывают в армию. В первую очередь забежал к родителям. И когда сказал, что его призывают в армию, отец, Сидор Петрович, стал как бы меньше ростом, а мать, Анастасия Авдеевна, перепугалась и ничего не могла сказать. Отец, однако, скоро пришёл в себя и дал сыну 20 рублей.

— На дорогу, — сказал отец.

Потом Александр побежал к сёстрам. Их было две в Выкше, живших своими семьями, — Дуня и Наташа. Сбежал и в соседнюю деревню Варваровку, где с некоторых пор проживал отделившийся от родителей брат Иван... И всё бегом, всё бегом — так было много родни и друзей, и со всеми хотелось проститься.

А когда вернулся домой, застал обоих председателей — Акима Герасимовича и Василия Кузьмича. Прихрамал с костылём и отец, Сидор Петрович. Тут же был и Колян, вернувшийся из Касимова — он возил сено на сенопункт. Председатели жалели, что из деревни уходит хороший, прямо-таки бесценный работник, желали успешной службы и говорили, что ждут его с победой. Они принесли с собой вина, и все выпили, выпил и Колян, хотя отец отгораживал его от спиртного.

Проводив гостей, Александр остался с семьёй. Выпивши, он был нежен с детьми, с женой. Потрепал по русым завивающимся вихрам дочку Машу, поглядел по круглой, стриженной “порогами” голове любимого сына Ваньку, которого почему-то в семье с малых лет звали Иваном. Не обошёл и Коляна, обнял за высокие, мосластые плечи, сказал:

— Сын, оставайся тут за меня... Береги мать, детей...

И отозвал Коляна в сени. Он знал, что его рано повзрослевший сын пользуется успехом у девок-перестарок, и посоветовал:

— А за девками особо не ударяй. А то вскружат голову. — И вспомнив, что сын дружит с женщиной старше и мудрее его, добавил: — И вообще, ломай берёзу по плечу... Эх парень дорогой!..

И смахнул ладонью внезапно выкатившиеся слёзы. А рано утром, на рассвете, сбегал на Ксёгжу. У выкшан было заведено перед дальней, трудной дорогой прощаться с речкой. Александр разделся донага, и, забыв прикрыться ладонью, нырнул в мягкую, хранящую тепло, воду. А это, возможно, видела оказавшаяся в лугах Татьяна. Бригадирша шла по берегу речки с саженью на плече.

В тот же день, когда солнце уже поднялось, и роса на траве в лугах высохла, Александр уезжал в армию, на фронт. Его провожали жена Лизавета и сын Колян. По деревне они ехали в телеге, а Александр шёл позади — подходил к сельчанам: кому жал руку, кого обнимал, кому кланялся; ребятишкам, стоящим на дороге, дарил сухарь или яйцо.

Прощался надолго, как оказалось, навсегда.

* * *

“Многоуважаемая и дорогая супруга Елизавета Фёдоровна, — писал Александр в своём последнем письме, — а также дорогие мои детки — Колян, Маша, Ваня и Таня, а также мои дорогие родители — батюшка Сидор Петрович и матушка Анастасия Авдеевна, шлю я вам свой фронтовой, горячий привет и желаю доброго здоровья и долгих лет жизни.

А ещё сообщаю, что я жив и здоров и прошу простить меня за то, что редко и мало писал... За два года войны пришлось много испытать и повидать. Но об этом расскажу после Победы. Сейчас скажу только, что я и горел, и тонул, и замерзал, но слава Богу, остался жив. И ещё скажу, что первое время был сапёром и немало построил землянок и возвёл мостов. В последнее же время начальство перевело меня в строевую часть, и я сейчас — младший командир, старшина.

А ещё хочу уведомить, что нахожусь на территории, на которой до войны косил сено, вместе с отцом, Сидором Петровичем, и братом Иваном. Местность эта — безлесная, не такая как у нас, но это всё равно своя, родная земля, которую я должен защищать от врага. По известной причине не могу назвать эту местность, но скажу, что на этой земле когда-то обитали большие гордые птицы, проще говоря — орлы.

На этом своё письмо кончаю. Обнимаю всех и желаю доброго здоровья и долголетия. До встречи после Победы. Ваш муж, отец и сын Александр Сидоркин, старшина. 22 июля 1943 г.”.

г. Рязань